

Конструктивно-феноменологический подход к построению социальной онтологии на основе принципа справедливости

В.П. Старжинский, Н.И. Мушинский

В статье осуществлена экспликация роли конструктивно-феноменологического подхода в процессе конструирования социальной онтологии на основе принципа социальной справедливости. Выявляются интенции конструктивно-феноменологической концепции справедливости: принцип согласования intersubjective миров; “отрицание” объективной справедливости и ее конструирование в системе ценностных координат. Показывается неизбежность перехода от субъективного чувства справедливости к конструированию “объективной” социальной онтологии. Рассматривается справедливость в аспекте самоидентификации конфликтующего сознания. Анализируются насилие и милосердие в конструировании справедливости в гражданском обществе. Показывается, что справедливость является конструктивной основой взаимопонимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конструктивная методология, конструирование социальной онтологии, принцип социальной справедливости, интенциональный объект, трансцендентальная феноменология, согласование intersubjective миров; объективная справедливость, система ценностных координат, субъективное чувство справедливости, самоидентификация конфликтующего сознания, насилие и милосердие, основа взаимопонимания.

СТАРЖИНСКИЙ Валерий Павлович – доктор философских наук, Минск, Белорусский национальный технический университет, каф. философских учений, профессор.

МУШИНСКИЙ Николай Иосифович – кандидат философских наук, Белорусский национальный технический университет, доцент кафедры философских учений.

Цитирование: *Старжинский В.П., Мушинский Н.И.* Конструктивно-феноменологический подход к построению социальной онтологии на основе принципа справедливости // *Вопросы философии. 2016. № 1. С. 180–187.*

Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 1. P. 180–187

Structural-Phenomenological Approach to Building Social Ontology on the Basis of the Principle of Justice

Valery P. Starzhinsky, Nikolay I. Mushinsky

In the article is explication of the role of structural-phenomenological approach in the process of constructing social ontology on the basis of the principle of social justice. Identify intentions structurally-phenomenological concept of justice: the principle of consistency intersubjective worlds; “denial” objective justice and its construction in the value system of coordinates. Shows the inevitability of the transition from the subjective sense of justice to the design of “objective” social ontology. Discusses justice in the aspect of self-identification conflicting consciousness. Examines violence and compassion in the construction of justice in civil society. It is shown that justice is constructive mutual understanding.

KEY WORDS: design methodology, designing social ontology, the principle of social justice, the intentional object of transcendental phenomenology, coordination of inter-subjective worlds; objective justice system coordinate value, a subjective sense of justice, identity conflicting consciousness, violence and compassion, mutual understanding.

STARZHINSKY Valery P. DSc in philosophy, professor at Department of Philosophical doctrines of Belarusian National Technical University, Minsk.

VStarzhinckij@yandex.by

MUSHINSKY Nikolay I. CSc in philosophy, associate Professor at Department of Philosophical doctrines of Belarusian National Technical University, Minsk.

philosophia361@mail.ru

Citation: *Mushinsky N.I., Starzhinsky V.P.* Structural-Phenomenological Approach to Building Social Ontology on the Basis of the Principle of Justice // *Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 1. P. 180–187.*

Конструктивно-феноменологический подход к построению социальной онтологии на основе принципа справедливости

В.П. СТАРЖИНСКИЙ, Н.И. МУШИНСКИЙ

Введение. Развитие техногенной цивилизации в начале третьего тысячелетия тесно связано с осмыслением проблемы справедливости. Предоставляя человечеству разнообразные жизненные блага и в то же время порождая косвенным образом глобальные кризисные явления, дальнейший технический прогресс непосредственно зависит от создания гармоничной и упорядоченной модели мироустройства, реализующей фундаментальные принципы социальной справедливости и способствующей творческому самовыражению человеческой личности. Экспликация роли *конструктивно-феноменологического подхода* в процессе конструирования социальной онтологии на основе принципа социальной справедливости – цель данной статьи.

Конструктивная методология. Термин “конструктивная методология” [Старжинский, Цепкало 2013, 111–113] вводится для того, чтобы дифференцировать методологию в сфере познания (объяснения) и проектирования (созидания). Как известно, классическая наука имеет в качестве своего основания субъект-объектное противоречие, которое разрешается с позиций классической рациональности. Конструктивная методология основывается на проектировании, конструировании своего объекта и предполагает неклассическую рациональность, в которой субъект конструирует объект.

Важно учитывать логико-гносеологические основания столь широко понимаемой методологии. Если объяснительный подход основывается на понятии как логической форме и процедуре определения, то в качестве процедуры, обобщающей, синтезирующей объяснительный и деятельностный подходы, используется построение модели. Модель рассматривается расширительно (по М. Вартофскому) как когнитивный артефакт – не только отражение или копия некоторого состояния дел, но и репрезентация будущей практики. Как известно, понятия могут быть определены наряду с описательным (дескриптивным) способом, конструктивно точным описанием строения соответствующего объекта. Дескриптивные определения могут описывать бессмысленные или несуществующие объекты, например, социальные утопии, “вечный двигатель”. В отличие от них конструктивное определение объекта – одновременно и доказательство его существования или реальной осуществимости. Согласно И.М. Яглому, все основные задачи, стоящие перед человечеством, можно интерпретировать как преобразование дескриптивных определений в конструктивные. Основной предмет конструктивной методологии – инновационное развитие как культуротворчество – не только создание материального мира, но и развитие творческих способностей человека, его внутреннего духовного мира, а также внешнего – социальной онтологии.

Г. Башляр, являющийся, скорее, радикальным конструктивистом, пишет, что “по ту сторону субъекта, по эту сторону объекта современная наука базируется на проекте. Истинная научная феноменология есть в сущности своей феноменотехника. Она обучается на том, что конструирует. Наука рождает мир не посредством магических импульсов, имманентных реальности, а посредством импульсов рациональных, имманентных духу. Сформировав в итоге первоначальных усилий научного духа основу для изображения мира, духовная активность современной науки начинает конструировать мир по образцу разума” [Башляр 1987, 37].

Интенции конструктивно-феноменологической концепции справедливости.

Следует заметить, что методология конструктивного моделирования используется в данной статье лишь как метод реконструкции философских и частично морально-правовых аспектов проблемы справедливости. Дело в том, что в реальном бытии чувство справедливости имплицитно присуще субъекту деятельности, который интуитивно и спонтанно пользуется данным регулятивом на уровне феноменов сознания и применяет их во внешнем мире. Тем не менее, конструирование онтологии относительно различных субъективных горизонтов сознания как интенциональных объектов позволяет понять культуросозидающую роль принципа справедливости как конструктивно-феноменологического.

Феноменология считает, что подлинное творческое сознание должно быть очищено от уже известных ранее теоретических конструкций, в каждой отдельной ситуации оно должно полностью выявить свою новаторскую специфику. Вместе с тем в процессе феноменологической редукции “опыт” тоже “выносится за скобки”, в человеческом сознании исследуются его чистые априорные формы. В повседневной жизни “опыт” заставляет человека отказаться от истины в пользу сиюминутной выгоды, поэтому он не может лежать в основе творческого сознания, служить основой для создания феноменологической концепции справедливости.

Э. Гуссерль объясняет конструктивную роль сознания в проектировании – созидании бытия путём построения трансцендентальной философии, в частности, трансцендентальной феноменологии. Он называет интенциональную феноменологию дескриптивной психологией, поскольку она имеет дело и описывает не объекты реального мира, а феномены сознания, представленные в виде интенциональных объектов.

Категория справедливости может быть интерпретирована как феномен сознания, который служит регулятивом процесса упорядочения, согласования “жизненных миров”. Э. Гуссерль не отрицает физикалистскую парадигму и ее презумпцию – существование мира самого по себе. Вопрос лишь в том, что его существование является проблематическим. Аподиктический статус существования обретают интенциональные объекты как феномены сознания и, в частности, система ценностей. Справедливость приобретает элемент аподиктичности с позиций феноменологии и может быть проинтерпретирована как регулятив согласования “жизненных миров”.

Феноменологическое “отрицание” объективной справедливости. Справедливость не должна редуцироваться к объективности и поиску единственно истинного решения, поскольку его просто не существует, так как творческое (творящее) сознание находится под напряжением морального выбора и конструирования. Этот этический аспект вполне отчётливо прослеживается в феноменологии Э. Гуссерля [Donohoe 2004]. Может показаться, что вся духовная культура человечества исчерпывается совокупностью исторически ретранслируемых от одного поколения к другому готовых концепций или ценностных презумпций, программ деятельности, а также непосредственными, чувственно обусловленными, инновационными действиями, когда, сталкиваясь с возникающей конкретной проблемой, субъект ощущает эмоциональный дискомфорт и соответственно начинает искать её решение. Если это так, то последовательно проведённая феноменологическая редукция лишила бы теорию справедливости какого бы то ни было объективного содержания. На самом деле всё, разумеется, обстоит иначе. Э. Гуссерль, поясняя проблему вычленения в феноменах сознания творческого аспекта рассудочной активности, указывает: «Это универсальное лишение значимости (“сдерживание”, “вывод из игры”) всех точек зрения... или... это феноменологическое *ἐποχή*, заключение в скобки объективного мира вовсе не оставляет нас ни с чем. Напротив, то... что таким путём приобретаю я, размышляющий, есть... универсум феноменов в феноменологическом смысле» [Гуссерль 2000, 347]. Выявление такого рода творческих инноваций сознания составляет суть конструктивно-феноменологического подхода к проблеме справедливости, когда вневременная, физикалистская парадигма объективности подвергается отрицанию конструктивно-ценностной парадигмой в универсальном общечеловеческом смысле.

Пояснить сказанное можно следующим примером. Каждый человек в процессе воспитания и личностного становления получает какие-то представления о справедливости,

принятые среди окружающих, характерные для его исторической эпохи и социальной среды. Однако если он ограничится их некритическим восприятием, то окажется беспомощен при резком изменении внешней обстановки, с появлением новых проблем, обусловленных, в частности, ухудшением экологической ситуации, неупорядоченным природопользованием, насилием как способом разрешения противоречий и т.п.

Конструирование объективной справедливости в системе ценностных координат. Человечество вынуждено задуматься, рационально оценить возникающие риски, принять коллективные решения по их преодолению на основе конструктивных критериев справедливости. Однако “опыт” ничего не может подсказать по поводу этих критериев, ведь возможное в будущем дальнейшее ухудшение ситуации ещё не наступило, его ещё нельзя наблюдать в реальной действительности. Можно только заранее предвидеть общую тенденцию, используя ресурсы интеллекта, а это относится не к чувственному “опыту”, а к трансцендентальным способностям человеческого разума. В этом смысле «естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную; и поскольку именно к ней приводит нас фундаментальный феноменологический метод трансцендентального “эпохе”, он носит название трансцендентально-феноменологической редукции» [Гуссерль 2000, 348]. Именно подобный метод и позволяет осмыслить понятие “справедливости” в соответствии с конструктивными требованиями созидющего сознания, абстрагируясь от привычных предрассудков и сиюминутной выгоды. Истинное познание имеет характер интуитивного озарения, “...при феноменологическом постижении сущности открывается... такая наука, которая в состоянии получить массу точнейших... познаний без всяких косвенно символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств” [Гуссерль 1994^а, 174].

Появляется возможность спонтанного поиска конструктивных новаторских решений, выраженных актом *интенциональности*, направленности сознания на какой-либо конкретный предмет. Если в качестве этой предметности выступают техногенные проблемы современности, феноменологический метод позволяет стимулировать процесс интуитивного постижения их сущности и причинности, найти способы их преодоления на основе объективно существующих критериев справедливости. Понятие *интенциональности* приобретает в рамках конструктивно-аксиологической интерпретации справедливости основополагающее значение. Оно обладает сложной структурой; как указывает Э. Гуссерль: “В потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Или мы... всматриваемся в первичный ряд переживаний... Или мы направляем взгляд на интенциональные единства... тогда перед нами объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживаний” [Гуссерль 1994^б, 135]. Тем самым в актах интенциональности диалектически соединяются субъективное чувство справедливости и её реальное содержание, в современных условиях обусловленное необходимостью эффективного решения глобальных проблем техногенеза, включая морально-нравственные коллизии.

Посредством интенциональности от возможных предположений отделяется “ясность”, “очевидность”, как осознание того, что в производимых действиях реализуются подлинные цели и соответствующие им ценности, в том числе “справедливость” в её аксиологическом выражении. Происходит “прямое схватывание” ценностей, проявление их в структурных феноменах человеческого сознания. В актах интенциональности, направленных, в частности, на постижение справедливости, Э. Гуссерль видит выражение сущности человека, в отличие от животных, которые в своём поведении руководствуются привычными по форме, неосознанными инстинктами и рефлексам. Конструктивная интенциональность по сути есть «стремление предположить в разумном самосхватывании “истинное” в соответствующих отношениях... истинная или подлинная ценность или добро – в котором простые суждения получают нормирующий их масштаб справедливости и несправедливости» [Гуссерль 1997, 125]. Совершая акт интенциональности и опираясь, в дальнейшем, на операцию “эпохе”, познающий субъект оценивает и конструктивно преобразует себя и свой мир практически в соответствии с нормами разума и принципами справедливости.

От субъективного чувства справедливости к конструированию “объективной” социальной онтологии. Точку зрения Э. Гуссерля развивает в дальнейшем Макс Шелер, который тоже трактует способность интуитивно и спонтанно отличать справедливость от несправедливости как выражение сущности человека. Стремясь спроектировать конструктивную универсальную этику ценностей, он пытается “...объяснить специфические *монополии* homo sapiens (среди них – язык, постоянное прямохождение, религия, наука, изготовленный... инструмент... чувство справедливости...)” [Шелер 1994, 27]. В работе “Формализм в этике” Шелер непосредственно затрагивает конструктивно-аксиологический аспект справедливости. В русле феноменологического подхода он отдаёт приоритет не столько “витальным” актам и функциям человека, сколько “чистым феноменам” творческого сознания, обладающим собственной закономерностью. Тем самым область духовных ценностей в качестве конструктивного модального единства отграничивается от “ценностей жизни”, обусловленных сиюминутной выгодой, примитивным “опытом”. Среди универсальных духовных ценностей, обладающих указанными качествами, особо выделяются «ценности “справедливого” и “несправедливого”, предметы, которые... образуют последнее феноменологическое основание идеи объективного *правопорядка*» [Шелер 1994, 326]. Раскрывая через понятие “ценности” аксиологический смысл справедливости, Шелер акцентирует конструктивно-феноменологический статус указанной категории, непосредственно связанный с решением глобальных проблем современности.

Если обратиться к двум обозначенным выше аспектам интенциональности (субъективному и объективному), то необходимо особым образом подчеркнуть, что именно их диалектическая взаимообусловленность создаёт возможность конструктивно-аксиологической интерпретации справедливости. Посредством творческого разума все духовные ценности, в том числе справедливость, выстраиваются в стройную систему, обладающую *объективированным* статусом существования. Ориентируясь на неё, субъект обретает своё нравственное оправдание, более того, он находит самооправдание будущим поступкам, т.е. обосновывает их не только “задним числом” *post factum*, но и в долгосрочном последующем соответствии общечеловеческим критериям справедливости. Тем самым осознаётся ответственность за свои поступки и формируется совесть; несовпадение реальных действий с её требованиями порождает субъективный психологический дискомфорт. Признавая наличие своих разумных способностей, обусловленных применением творческого конструктивно-феноменологического метода в контексте конкретных жизненных ситуаций, “человек... осознаёт себя вследствие этого ответственным за справедливость и несправедливость во всех своих действиях... Там, где они не выдерживают проверки на справедливость... там он себя порицает, там он недоволен собой” [Гуссерль 1997, 128]. Это касается как сферы познания, так и оценки, а также поступков, направленных на реальные результаты. Подобная социально-этическая мотивация инспирирует конструктивные желания, направляет волевые усилия к разумному саморегулированию, обладающему универсальными характеристиками. В *субъективном* смысле реализованная в нравственных действиях “воля к справедливости” служит основой чистой и устойчивой духовной удовлетворённости.

Как видно из сказанного, в рамках акта интенциональности субъективные и объективные аспекты справедливости диалектически переплетаются, поэтому интерпретировать феноменологическую концепцию справедливости только в субъективистском смысле, как это зачастую делается, было бы неправильно. “Принимая интенциональность сознания за основу, Гуссерль исходит не из субъекта... а из субъекта сознания, который способами своего сознания сущностно интенционально отнесён к реальному существу” [Херрманн 2000, 130–131].

Справедливость и самоидентификация конфликтующего сознания. Интенциональность не исчерпывается субъективным “чувством справедливости”; она целенаправленно продуцирует соответствующие переживания, выраженные в феноменах морального сознания, на основе творческого осмысления реальных трудностей, порождённых издержками неупорядоченного прогресса науки, техники и социальных отношений. Её объективное содержание обусловлено необходимостью решать эти проблемы, опираясь

на противоборствующие усилия разнообразных геополитических, хозяйствующих и конфликтующих субъектов. Поэтому нравственное сознание вынуждено акцентировать такие критерии справедливости, которые в силу своего объективированного статуса устраивали бы всех без исключения, несмотря на многовекторность единичных нравственных приоритетов и ценностей, многообразие конкретных жизненных обстоятельств.

Конструктивный характер идеи интенциональности проявляется в процессе решения проблемы согласования жизненных миров, выступающих в образе “Чужого” или “Другого”. С точки зрения творческой новизны, сама постановка этих вопросов, поиск такого рода “парадоксов” обладает самостоятельной ценностью, свидетельствует о проделанной умственной работе, независимо даже от того, будут ли они впоследствии решены позитивным образом. Сама по себе новизна той или иной более современной трактовки справедливости, наличие противоречия, которое по-новому актуализировалось в иных обстоятельствах, несёт конструктивную нагрузку.

Примером может служить “мотив Чужого”, “парадокс Другого”, который играет очень важную роль в рамках феноменологической концепции справедливости. В эпоху мировых войн и взаимной конфронтации человечество пыталось на основе военно-промышленного превосходства с позиции силы навязывать ту или иную субъективную трактовку справедливости более слабым. Каждая из противоборствующих сторон выступала под лозунгом “защиты” и “восстановления справедливости”; у каждого была своя “справедливость”, диаметрально противоположная мнению любых оппонентов, при этом более убедительной считалась та позиция, которая опиралась на более мощные социально-идеологические и военно-технические ресурсы в конкретных политических обстоятельствах. История безуспешно и неоднократно демонстрирует бесперспективность подобного пути, его опасность в глобальном масштабе. Назрела необходимость найти более адекватное выражение справедливости, отказаться как от излишнего объективизма, так и от субъективного самомнения, необоснованного чувства собственного превосходства (националистические и нацистские интенции) над окружающими. Однако здесь возникает принципиальное непонимание Другого (Чужого), парадокс, основанный на его неидентичности: “Взятию на себя судьбу Другого предшествует справедливость... Именно здесь кроется необходимость теории, здесь рождается забота о справедливости, которая предполагает оценку и сравнение того, что в принципе несравнимо, поскольку каждое бытие уникально; любой Другой уникален. В этих необходимых рассуждениях возникает идея о справедливости, лежащая в основе теории” [Левинас 1991, 128–129].

Уже сама подобная постановка вопроса, необходимость самоидентификации себя с кем-то совершенно посторонним, выработки на этой основе конструктивного понятия справедливости, позволяющего совместными усилиями успешно решать глобальные техногенные проблемы, – всё это непосредственно актуализирует конструктивные возможности феноменологического метода в современных условиях.

Следует “взять на себя судьбу Другого”, попытаться увидеть его Лицо, ощутить свою ответственность за его жизнь и смерть. Стремясь построить на этой основе конструктивное “ощущение” справедливости, субъект вынужден так или иначе осуществлять операцию “эпохе”, реализовывать интенциональность своего творческого Эго, сопереживать и критически мыслить; из глубины изначального сострадания рождается философия как мудрость. В рамках феноменологического редукционизма уже сам процесс подобного философствования обладает конструктивной, нравственно очищающей силой, наполняет понятие справедливости объективным общезначимым смыслом, позволяет на его основе решать конкретные проблемы человеческого существования, конструктивно соотносить личностные и общезначимые, общечеловеческие смыслы бытия. Но не только философствование как процесс занимает последователей феноменологического направления в их попытках на основе идеи общечеловеческой справедливости постичь “мотив Другого”. Важна также актуализация справедливости в повседневных реалиях бытия, которые могут отражаться в феноменах человеческого сознания, составлять их непосредственное содержание. В частности, исходя из необходимости защитить другого и самого себя от проявлений несправедливости, Э. Левинас допускает наличие ответственности, выра-

женной насильственными средствами. Актуализация идеи справедливости, её правовых аспектов, невозможна без построения социальных институтов по её реализации: “Существует определённая мера необходимого насилия, обусловленная справедливостью; если же мы говорим о справедливости, то надо признать и судей, и все институты... ведь мы живём в гражданском обществе... Государство... связано с насилием, но оно может нести в себе и справедливость” [Левинас 1991, 130]. При этом в рассуждении появляется фигура Третьего: Другой имеет к Вам отношение даже опосредованно, когда кто-то Третий причиняет ему зло и, таким образом, порождает необходимость справедливо рассудить притязания обеих сторон; в результате субъект нравственно-правовых отношений вынужден применить насилие в справедливых целях.

Справедливость как конструктивная основа взаимопонимания. Одна из основных трудностей феноменологического обоснования справедливости состоит в поиске принципов согласования “жизненных миров” как соприкосновения двух типов интенциональности, относящихся к собственному и чужому миропониманию. Необходимость установления конструктивного диалога предполагает соотнесение личной точки зрения с чужими притязаниями, что неизбежно предшествует любому партнёрству. Своеобразие чужого притязания выражается в том, что в нём переплетаются две взаимообусловленные формы: с одной стороны, это призыв, который направлен *к кому-то*, с другой – претензия, которая распространяется *на нечто*. Каждая попытка морального обоснования того или иного поступка заранее предполагает фактические претензии, становящиеся тем самым чем-то большим, чем простые факты. Мораль обнаруживает здесь своего рода лауну: “Вопрос о том, справедливо притязание или нет, предполагает, что претензия уже предъявлена. Мы достигаем, таким образом, точки *по ту сторону добра и зла, по ту сторону справедливости и несправедливости*” [Вальденфельс 1999, 132]. Соответственно, и *ответ* тоже принимает дуалистическую форму. Исходя из теории речевых актов, ответ-answer адекватен фактической претензии “на что-то”. Но существует ещё и личностная претензия “ко мне”, на которую даётся ответ-response. К примеру, на вопрос можно ответить, сообщив требуемую позитивную информацию, а можно – встречным вопросом, ничего не сообщив, но высказав тем самым своё отношение к вопрошающему. Только учитывая все эти нюансы, считают последователи феноменологии, можно достичь конструктивного диалога на основе универсальных критериев справедливости. Человек – это не только существо, обладающее разумом, но и “существо, которое отвечает”. Подобная дефиниция по-новому отражает различие как между человеком и животным, так и между человеком и машиной: «Здесь “справедливость” – ценность акта личности, нравственная ценность» [Гартман 2002, 403]. В диалогической вопросно-ответной форме проявляется во всей своей неоднозначности “мотив Чужого”, позволяющий, в конечном итоге, частично приблизиться к конструктивно-феноменологическому истолкованию справедливости.

Заключение. Рассматривая приведённые примеры, приходится признать, что именно использование конструктивной методологии, выявление с её помощью ценностных аспектов справедливости, позволяет успешно решать конфликты, обострившиеся в современных условиях. За абстрактно-теоретическими рассуждениями Э. Гуссерля и его последователей скрываются вполне отчётливые практические проблемы: стремление инициировать творческую активность человеческого сознания и ускорить с её помощью дальнейший прогресс науки и техники; опасение, что неумение понять интересы другого человека, чётко обозначить общечеловеческие ценности, приведёт техногенный разум в тупик эгоцентризма, создаст ситуацию, при которой побочные негативные последствия развития технического прогресса станут преобладать над положительными результатами, планируемыми изначально; желание выявить универсальный аксиологический аспект справедливости, разработать конкретные способы её реализации в структуре техногенного социума. Таким образом, *конструктивные* методы имплицитно присутствуют в рассуждениях наиболее известных представителей феноменологического направления, позволяют им сделать особенно важные выводы касательно нравственно-философского содержания понятия *справедливости*, приобретающие особую актуальность в начале третьего тысячелетия, в условиях дальнейшего обострения техногенных проблем современности.

Источники (Primary sources in Russian)

Башляр 1987 – *Башляр Г.* Новая рациональность. М., 1987 (*Bachelard G.* New rationality. Russian Translation).

Гартман 2002 – *Гартман Н.* Этика. СПб., 2002 (*Hartmann N.* Ethics. Russian translation).

Гуссерль 1994^a – *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994 (*Husserl E.* Philosophy as a rigorous science. Russian translation).

Гуссерль 1994^b – *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994 (*Husserl E.* On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time Russian translation).

Гуссерль 1997 – *Гуссерль Э.* Статьи об обновлении // Вопросы философии. 1997. № 4 (*Husserl E.* Articles about renovation. Russian Translation).

Гуссерль 2000 – *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. Мн., М., 2000 (*Husserl E.* Cartesian Meditations. Russian Translation).

Левинас 1991 – *Левинас Э.* Философия, справедливость и любовь (Беседа с Эмманюэлем Левинасом) // Философские науки. 1991. № 6 (*Levinas E.* Philosophy, justice and love (Interview with Emmanuel Levinson) // Philosophical Sciences, 1991, No. 6).

Шелер 1994 – *Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994 (*Scheler M.* Selected works. Russian translation).

Ссылки (References in Russian)

Вальденфельс 1999 – *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Мн., 1999.

Старжинский, Цепкало 2013 – *Старжинский В.П., Цепкало В.В.* Понятие и особенности конструктивной методологии // Методология науки и инновационная деятельность: пособие для аспирантов и соискателей ученой степ. канд. наук тех. и экон. спец. М.: ИНФРА-М., 2013.

Херрманн 2000 – *Херрманн Ф.-В. фон.* Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Мн., 2000.

References

Donohue 2004 – *Donohue J.* Husserl on ethics and intersubjectivity: from static to genetic phenomenology. Amherst, N.Y.: Humanity Books, 2004.

Herrmann F.-W. von. The concept of phenomenology in Heidegger and Husserl. Klostermann, Frankfurt am Main 2000 (Russian translation 2000).

Starzhinsky V.P., Tsepkalov V.V. The Concept and features of the design methodology // Methodology of science and innovative activity: a Handbook for postgraduate students academic step. Cand. of science tech. and Econ. spec. M.: INFRA M, 2013 (In Russian).

Waldenfels B. Motive of a stranger. Mn., 1999 (Russian translation).